

ВИЗУАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

С.С. Аванесов

Томский государственный
педагогический университет

iskiteam@yandex.ru

В статье исследованы визуальные предпосылки и условия функционирования знаковой системы (языка) как коммуникативной практики. Уточняется понятие знака в отличие от признака. Знак в точном смысле представляет собой структурный элемент *коммуникации*, следовательно является *языковым конструктом*. Коммуникация в целом базируется на четырех «оптических» операциях: 1) остенсивном акте, 2) миметическом акте, 3) экспрессивном акте, 4) команде. Любой знак может быть реконструирован как дискретный коммуникативный акт: всякая *сема* в своем основании является *праксемой*, поскольку она и возникает, и реализуется, и дает эффект только в коммуникативной *практике*. Основные тезисы статьи сопровождаются анализом сюжета наречения имен.

Ключевые слова: знак, язык, коммуникация, именование, визуальные аспекты коммуникации, практика.

VISUAL AND PRACTICAL ASPECTS OF LANGUAGE COMMUNICATION

S.S. Avanesov

Tomsk State Pedagogical
University

iskiteam@yandex.ru

In article visual preconditions and operating conditions of signs system (language) as communicative practice are investigated. The concept of a sign unlike a symptom is specified. The sign in exact sense represents a structural element of *communication*, therefore it is *language construct*. Communication as a whole is based on four “optical” operations: 1) act of ostension, 2) act of imitation, 3) act of expression, 4) command. Any sign can be reconstructed as the discrete communicative act: everyone *sema* is *praxema* in the basis because it appears and is realized and gives effect only in communicative practice. The main theses of articles are accompanied by an analysis of the plot of naming names.

Key words: sign, language, communication, naming, visual aspects of communication, practice.

Человеческая «среда обитания» – это прежде всего *культурная* среда. Выступая в абстрактно-логическом смысле «второй природой», в экзистенциальном плане культура является для человека безусловно *первой* (а то и единственной) природой.

Человек – существо коммуникативное; он осуществляется как таковой лишь в общении. Социокультурные измерения человеческого существования не являются некими добавочными и потому случайными характеристиками человека, но относятся к

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-13-70001 «Визуальная антропология: модели социокультурных коммуникаций».

разряду фундаментальных качеств специфически человеческого бытия. Культура и есть такая коммуникативная среда, которая позволяет человеку быть собой, т. е. реализовывать себя в общении посредством разного рода знаковых комплексов. По словам А.Я. Гуревича, «культуру любой эпохи можно и нужно рассматривать <...> как всеобъемлющую знаковую систему»¹. При этом важно, что «чем выше (богаче) культура, тем она *семиотичнее* по существу»². Иначе говоря, культура выражает себя прежде всего в языке.

Язык в самом общем смысле представляет собой совокупность способов и правил фиксации и передачи информации *в знаковой форме*; проще говоря, язык – «система взаимосвязанных знаков»³. Знаки имеют разную природу; в самом первом приближении их можно разделить на визуальные (оптические) и аудиальные (акустические). Определенного рода знаки в соединении с правилами их употребления образуют язык как специфический *код*, организующий коммуникативный процесс. Как отмечает У. Эко, «без более или менее устойчивого кода не бывает эффективной коммуникации»⁴. Код, в самом распространенном случае, есть *правило связи знака и его смысла*. Так, например, фигура «Р» (вертикальная черта с присоединенной к ней спра-

ва дугой, занимающей половину ее длины) означает звук «р» именно потому, что таково правило, заданное кодом – русским языком. Иной код требовал бы связать фигуру «Р» со звуком «п» (латинский язык) или со значением «парковка для автомобилей» (правила дорожного движения). Культура опирается на совокупность таких языковых кодов, среди которых *вербальный* – важнейший, но далеко не единственный. В качестве структурных элементов коммуникативного кода и дискретных единиц коммуникации выступают знаки – сигналы, слова, изображения и т. д.

Наиболее привычной человеку языковой единицей (знаком) является слово. Но слово может функционировать и не как знак, а как предмет – например, когда оно рассматривается чисто фонетически или чисто морфологически или когда оно принимается во внимание в качестве единичного элемента некоторого множества – например, множества неправильных глаголов или, скажем, имен существительных мужского рода, начинающихся на «ш». В подобных случаях «слово может пробуждать смысловое значение, не становясь от этого знаком»⁵. Да и в синтаксическом плане слово, как часть анализируемого предложения, рассматривается не в своей семантической функции, а с точки зрения его места как части речи в структуре предложения как целого. В этой связи синтаксис может быть понят как *наименее семиотическая часть семиотики*.

Индивидуальная человеческая практика, конечно, не исчерпывается суммой семиотических актов. Чистое впечатление человек получает безотносительно к каким-либо знаковым формам, не приобретая по-

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 32.

² Топоров В.Н. Др.-греч. *se̅m-* и др. (Знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // Балканские древности. Балканские чтения I. Материалы по итогам симпозиума. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – С. 5.

³ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 46.

⁴ Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2006. – С. 304.

⁵ Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Политиздат, 1968. – С. 35.

средством такого впечатления никакой информации. Предметом чувственного восприятия является реальность, выступающая для субъекта такого восприятия в незнаковой форме. Но уже «производство» элементарного знания о реальности путем анализа непосредственных чувственных данных заставляет человека прибегать к помощи языка – к так называемой «внутренней речи». Результат такого анализа имеет вид готового к передаче сообщения. Эмоции, которые предваряют или сопровождают формулировку выраженного посредством языка знания, могут быть двусмысленными, неясными, непередаваемыми, невыразимыми и т. п.; но само полученное знание, будучи «упаковано» в языковую форму (чем оно и отличается от сопровождающей его эмоции), является информацией, подлежащей трансляции и ретрансляции. Знание, принявшее свою завершенную форму, есть информация, подлежащая распространению; иначе говоря, знание как таковое, поскольку оно существует исключительно в языковой форме, имеет *коммуникативный* характер. «Человек познает, интериоризируя внешнюю для своего сознания действительность, и сообщает о познанном, связывая языковыми знаками полученные в познании объекты»⁶.

Незнаковая реальность, воспринимаемая посредством чувств и не преобразованная в знание, является «материалом» эстетического отношения к окружающему. При этом и знак может оказаться предметом чисто эстетического восприятия – в том случае, когда реципиент данного знака не располагает адекватным кодом для его прочтения, тогда знак воспринимается только со

стороны его внешне данной формы, иначе говоря, не функционирует как знак, не создает по отношению к себе (или в связи с собой) никакой семиотической интенции. Вне семиотического контекста такой предмет и не читается как знак, но лишь производит эстетическое впечатление. В подобных случаях незнакомый текст «выглядит» как орнамент (например, надпись на Фестском диске), орнамент воспринимается просто как красивый или примитивный узор, а не как космологическая «модель», иероглиф – как гармоничное сочетание линий, а не как слово или фраза, а мечеть – как культовое сооружение определенного стиля, а не как пространственный ориентир, указывающий направление на Мекку.

Даже в тех случаях, когда мы можем квалифицировать некую совокупность графических фигур как набор букв неизвестного нам языка, мы не способны пойти дальше отношения к этой совокупности как к знаку осмысленной человеческой деятельности, имеющей семиотический характер; однако у нас самих при этом семиотической ситуации как раз и не возникает: мы понимаем, что это – знак человеческой работы со знаками (производим семантическую идентификацию), но не можем получить из этого нашего понимания никакой более конкретной информации. Мы осуществляем здесь лишь первую фазу семиотического процесса, но, не располагая необходимым кодом, не можем привести его к завершению. Иначе говоря, мы читаем знак (некий текст как знак семиотического акта), но не можем прочесть сообщение. Однако эстетическое восприятие данного «нулевого» сообщения происходит у нас без всяких препятствий: мы можем решить, что «это красиво» или «это безобразно» и т. п. Такое же впечатление возникает у нас относительно надпи-

⁶ Нестеров А. Понятие «знак» в контексте познания, коммуникации и эстетического переживания // *Analytica*. – 2007. – № 1. – С. 39.

си на известном нам языке, если буквы, составляющие эту надпись, трансформированы до неузнаваемости (например, граффити) или если мы располагаем только фрагментом надписи, не позволяющим ее прочесть.

Один и тот же физический (визуально данный) объект может выступать для субъекта, в зависимости от господствующей интенции последнего, и в качестве предмета эстетического отношения, и в качестве знака, и в качестве сообщения того или иного рода. Например, человек, увидевший солнце через окно, может воспринимать этот «астрономический» объект и в качестве знака (уже день), и в качестве эстетического предмета (прекрасный солнечный день), а также одновременно прочитывать его как сообщение-дескрипцию (сегодня ясный летний день) и как сообщение-прескрипцию (сегодня жарко, надо покрыть голову). Однако в любом случае квалификация этой ситуации как семиотической будет затруднена, поскольку отсутствует *реальный* адресант. Нет того человека, который сообщил бы нам в данном случае о состоянии погоды, а следовательно, нет коммуникативного акта, опирающегося на семиотическую интенцию и реализованного посредством знака или системы знаков. Ситуация была бы вполне семиотической (знаково-коммуникационной) в том случае, если бы мы увидели знак солнца на экране монитора в разделе «Погода на сегодня».

Знак в точном смысле представляет собой структурный элемент *коммуникации* и потому всегда является *языковым конструктом*; вне коммуникативно-языкового контекста мы имеем дело не со знаками, а с признаками или симптомами. Лишь в таком неточном смысле для нас «гром ста-

новится знаком молнии»⁷. Применительно к таким случаям можно говорить о знаках и языке лишь условно, а именно – только если заранее отождествить сообщение с выражением (как это делает, например, В. Беньямин⁸). Однако нет достаточных оснований каждое выражение внешне квалифицировать как сообщение; в противном случае мы потеряли бы возможность ясно определять для себя специфику *семиотической* ситуации. Языковой знак употребляется *намеренно*, иначе говоря, его функционирование в качестве знака обусловлено соответствующей (семиотической) интенцией. Кроме того, знак является таковым лишь в силу наличия кода, согласно которому этот знак значит (обозначает) нечто конкретное; иначе говоря, языковой знак (вербальный или визуальный) является таковым исключительно в *коммуникативном* контексте и ни в каком другом. Когда мы говорим, что красный цвет насекомого является для птицы сигналом опасности, запрещающим употреблять это насекомое в пищу, мы описываем не семиотическую ситуацию, а сферу биологических реакций на среду. Но если мы ведем речь о красном сигнале светофора, то мы описываем семиотическую ситуацию в точном смысле слова.

Следовательно, само наличие знака как знака в строгом (языковом) смысле этого термина обусловлено соответствующей *практикой*, а именно – коммуникативной деятельностью человека как разумного существа. «Пользоваться языком» и «осуществлять коммуникацию» – одно и то же. Любой элемент языка (знак), следовательно, может быть реконструирован как дискретный коммуникативный акт. Иначе говоря,

⁷ Моррис Ч.У. Указ. соч. – С. 47.

⁸ Беньямин В. О языке вообще и о языке человека // Учение о подобии: Медиаэстетические произведения. – М.: РГГУ, 2012. – С. 7–8.

всякая *сема* как таковая в своем основании является *праксемой*, поскольку она и возникает, и реализуется, и дает эффект только в коммуникативной *практике*. «Предметом» такой практики может быть как «мир» (система вещей), так и сам человек. Но именно постольку, поскольку эта практика реализуется как *коммуникативная*, она, вне зависимости от своей предметной сферы, осуществляется как семиотически оформленная, языковая деятельность. Коммуникация же выстраивается с опорой на четыре базисные операции, всегда выражающие оптическую интенцию: а) *указание* (остенсивный акт), б) *подражание* (миметический акт), в) *выражение* (экспрессивный акт), г) *побуждение* (команда).

Согласно наблюдению В.Н. Топорова, «семантическая мотивировка слов, обозначающих знак, неизменно отсылает <...> к *физическим* характеристикам, лучшим в основу обозначения знака, и соответственно к тем структурам *восприятия*, которые способны к фиксации этих физических характеристик»⁹. Язык как вербальная коммуникативная система имеет *визуальные* основания, поскольку в основе такого языка лежат остенсивные, имитативные, экспрессивные и побудительные действия (прежде всего жесты). Жестикуляция есть способ, во-первых, обращения внимания на нечто внешнее, «физическое»; во-вторых, подражания чему-то иному; в-третьих, выражения, обнаружения внутреннего состояния; в-четвертых, побуждения к какому-либо действию или бездействию: «жест или взгляд, даже когда они не сопровождаются словами, иногда выражают команду»¹⁰. Речь идет об осно-

ваниях *языка* как такового, а не о значении каждого конкретного слова языка. Слова с отвлеченным значением, не имеющие явного визуального основания (т. е. очевидного отнесения к чему-то «видимому», «наблюдаемому» или «образному»), возникают тем не менее *в языке*, т. е. в системе, опирающейся в целом на *визуальные* кодовые предпосылки. Развитие языка при желании может быть описано как переход от прагматических актов к семическим, в частном случае – от визуальных к вербальным; в процессе такого перехода, однако, базовые функции языка остаются теми же: указание (это, не то), подражание (так, не так), выражение (вот), побуждение (делай, не делай).

Любой знак либо на что-то указывает, либо что-то изображает, либо о чём-то сообщает, либо к чему-то призывает. Праксема является фундаментальной формой коммуникации; она содержится в снятом виде в любой семиотической единице, в том числе и в словах языка. Слово (*verbum*) может и не иметь очевидных визуальных коннотаций; но уже в самом отнесении всякого имени к конкретному «фрагменту» реальности, который оно именуется, – т. е. в его вербальном обособлении от всех других «фрагментов» – в снятом виде содержится указательное местоимение «это», имеющее безусловно остенсивное происхождение и неоспоримую указательную функцию. Язык как система имен в силу своей природы (прежде всего в силу остенсивного характера имен) опирается на визуальность. Наконец, вербальный язык приходит в новое соприкосновение с языком визуальных образов на этапе появления письменности, в которой слова и звуки обретают графическое выражение, становятся *видимыми* и *изобразимыми*.

⁹ Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 7.

¹⁰ Вригт Г.Х. фон. Норма и действие. Глава VI: Нормы, язык и истина / Пер. Е.И. Спешиловой // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4 (14). – Т. 2. – С. 133.

Слово как обозначение есть *знак* того, *что* оно конкретно обозначает; слово, таким образом, есть имя. Будем ли мы понимать имя как способ задания прямой референции (С. Крипке) или как скрытую дескрипцию (Б. Рассел), в любом случае оно, как означающее, будет нести в себе первичную остенсивную функцию. Эта «указательность» имени, более явная в его референциальной интерпретации и менее явная – в дескриптивной, наиболее отчетливо обнаруживается в ономагенетическом акте, т. е. в исходном акте именовании, когда соответствие между именем и именуемым устанавливается первым и потому прямым указанием на именуемое. Такое указание в любом языке осуществляется с помощью дейктической переменной «это», которая образует исходную матричную позицию («место») для любого конкретного имени, а также обнаруживается в любом конкретном имени как его базисная праформа (вместоимение). Архетипическим случаем ономагенетической операции является библейский сюжет наречения имен Адамом: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт 2:19–20). Отвлекаясь здесь от многочисленных герменевтических вопросов, связанных с истолкованием данного сюжета, сосредоточим внимание на структуре и значении описанного процесса.

Наречение имен легко реконструируется как процесс, состоящий из трех шагов: Бог «приводит» к человеку всех сотворенных Им животных; Адам именуется животными; при этом каждый раз Адам уста-

навливает соответствие между конкретным именем и конкретным животным с помощью прямого указания на именуемое животное. Объект именованья показывается (представляется) Богом Адаму, затем Адам указывает на него и высказывает его *нарицательное* имя. Показание, указание и сказание и составляют три структурных элемента каждого акта наименования. Первые два шага ономагенетического процесса (презентация и остенсия) являются визуальными, третий (семиозис как «порождение отдельных конкретных знаков»¹¹) – речевым. Наречение человеком имен живым существам, таким образом, представляет собой «соединение созерцания и именованья»¹², иначе говоря, такой процесс, в котором каждый речевой семиотический акт неразрывно связан с практическим визуальным актом. Имя возникает в процессе указания, служит для указания, заменяет указание и в конце концов функционирует *вместо* указания (однако не вместо предмета, который оно обозначает¹³). Но указательный «аспект» имени, сохраняемый в самом «архетипе» именованья, остается не устранимым из концепта «имя» и прямо или косвенно присутствует по меньшей мере во всяком имени существительном.

Антропологическое значение процесса наречения имен определяется прежде всего тем, что человек получает право на это действие как бы «в наследство» от Бога. Согласно Быт 1, творение Богом природной среды в ее оформленности сопровождается и *наименованием* сотворенного. 1) «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму но-

¹¹ Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 13.

¹² Бенъямин В. Указ. соч. – С. 20.

¹³ Ср.: Ветров А.А. Указ. соч. – С. 34–35.

чью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт 1:3–5). Описание первого «дня» задает структуру законченного креативного цикла. В начале всякого акта творения лежит слово-повеление, в середине – *визуальное* восприятие-оценка, в завершении – слово-наименование. При этом Бог не просто видит, что свет *есть*, но также видит, что он *хорош*; иначе говоря, онтологическое восприятие сущего сопровождается и дополняется аксиологическим. 2) «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй» (Быт 1:6–8). 3) «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо» (Быт 1:9–10).

Как видим, «модель» креационного цикла полностью реализуется на первых этапах творения. Однако дальнейшие творческие акты остаются неоконченными: Бог создает растения, светила и живые существа, не называя их (Быт 1:11–25). Завершать творение живых существ их наименованием поручается уже человеку (Быт 2:19–20). Ритм, в согласии с которым происходит творение физической природы, таков: да будет – стало так – и Он назвал. «В этом “Да будет” и “Он назвал” в начале и в конце акта всякий раз появляется глубокая, отчетливая соотношенность акта творения с языком. Начинается он с созидательного могущества языка, а в конце язык словно присовокупляет к себе сотворенное, именуется его. Таким образом, язык есть творящее и завершающее, он есть

слово и имя»¹⁴. Сохраняя творческое слово за Собой, Бог в последних креативных эпизодах «уступает» завершающее именование человеку. Этим актом добровольной уступки Бог свидетельствует и о высоком статусе человека, и – самое главное – о тех телеологических задатках, которые он призван и обязан реализовать. Об этих исключительных способностях человека упоминает и Платон: «Так вот, я думаю, <...> что первые учредители имен не были простаками, но были вдумчивыми наблюдателями небесных явлений и, я бы сказал, тонкими знатоками слова. <...> Мне кажется, что установление имен – дело таких вот людей» (Crat. 401 b).

Человек, согласно библейскому повествованию, был создан не словесным повелением Бога; но именно человеку, по словам В. Беньямина, «был придан *дар* языка, и человек был возвышен над природой»¹⁵. Возвышение человека над природой имеет здесь не только аксиологический, но и онтологический смысл: лишь в человеке природа получает свое завершение, поскольку лишь *в* этом существе (и одновременно *для* этого сущего) она сбывается как таковая. Природа является природой, поскольку она может стать предметом его внимания и содержанием его речи. «Бог дает возможность человеку увидеть мир, узнать его, дать имя (упорядочить) всему в этом мире»¹⁶. Порядок мира завершается (и совершается) в именовании сущих. В способном к именованию человеке Бог «выпустил на свободу язык, который служил *Ему* меднумом творения»¹⁷; давая имена животным, чело-

¹⁴ Беньямин В. Указ. соч. – С. 16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Орлова Н.Х. О чем молчал Адам: Гендерное измерение христианской антропологии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 64.

¹⁷ Беньямин В. Указ. соч. – С. 17.

век как бы прочитывает и высказывает то слово, посредством которого Бог творил все сущее. И сам рассказ об этом призван внести разумный порядок в наше понимание мирового устройства, связывая происхождение и завершение природы в представлении о едино-двойном божественно-человеческом производяще-именующем Логосе.

Нарекая имена животным, человек в самом этом акте становится «владычествующим» (Быт 1:26, 28) над ними, причём не столько в физическом (ср. Быт 1:29), сколько в онтологическом смысле – не как хозяин, а как создатель.

Подлежащее именованию имеет внешний вид, каким-то образом «выглядит»; акт именованья содержит в себе своего рода ответ, вербальную «реакцию» человека на этот *бессловесный* вид. Именно эту ответную реакцию подразумевает Вальтер Беньямин, когда пишет, что наречение человеком имен живым существам «содержит в себе безмолвие в сообщении вещей (животных) по отношению к словесному языку человека, вмещающему эту немоту в имя»¹⁸. Именование как начало семиозиса есть для живого мира «прорыв из “немого” незнакового царства»¹⁹, внесение безымянных вещей (и в силу этой своей безымянности – еще как бы и не вещей в *определённом* смысле) «в сферу языка и духовной культуры»²⁰ и тем самым образование «знакового пространства» как сферы формулирования и передачи информации²¹.

Сюжет наречения имен на первый взгляд кажется искусственно вставленным в рассказ о сотворении Евы. Сначала го-

ворится: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт 2:18). Продолжение этой мысли встречается только через два стиха: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку» (Быт 2:21–22). В тех самых двух стихах, которые разрывают собой рассказ о сотворении Евы, и описан процесс именованья животных. При внимательном рассмотрении такая композиция представляется неслучайной; более того, смысл данного эпизода дополнительно проясняется, если взять во внимание одновременно сам текст и контекст, иначе говоря, и содержание (порядок и смысл наречения имен), и место данного фрагмента (внутри повествования о творении Евы). Именование – еще не язык в полном смысле; язык существует только как средство общения, т. е. требует наличия по меньшей мере двух человек, способных вступить в коммуникацию. В именовании язык, образно говоря, вступает в свои права, обнаруживает себя (как присущая человеку способность), но еще не исчерпывается целиком, не устанавливается вполне. Язык реализуется лишь в коммуникации; это означает, что имена, нареченные Адамом, должны быть сообщены другому. Только в этом *сообщении имен* язык становится вполне языком. В самом общем смысле «язык представляет собой семиотически выражаемый механизм трансляции значений от одного человека к другому»²². И в свете такого понимания языка сюжет наречения имен в смысловом отношении вполне уместен внутри рассказа о сотворении второго человека; данный сюжет при-

¹⁸ Там же. – С. 20.

¹⁹ Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 6–7.

²² Нестеров А. Указ. соч. – С. 42.

зван усилить мысль Быт 2:18, приводя главный аргумент в пользу того, что «нехорошо» и невозможно человеку, обладающему языковой *способностью*, быть одному. Языковая потенциальность человеческого бытия актуализируется лишь с появлением *ответственного* человека.

Наконец, необходимо учитывать и тот факт, что передача всякого сообщения не заканчивается восприятием его содержания. Последнее звено в цепи передачи информации – личное и активное *отношение* адресата к полученному им сообщению. Это отношение, играющее в данном случае решающую *прагматическую* роль, может быть позитивным, критическим или негативным; таким образом, последняя, практическая фаза передачи сообщения есть его *воздействие*, которое зависит от позиции воспринимающего – от его отношения к источнику сообщения, к его содержанию и контексту. Именно от такого отношения и зависит практический эффект сообщения. Итак, и в начале *языка* как такового, и в финальной фазе всякого *языкового сообщения* обнаруживается связь практики и знака. Более того, и наличие знака, и его значение, и его эффект полностью обусловлены практическими коммуникативными контекстами.

Такие контексты надо иметь в виду в любом суждении о реальности, поскольку всякое суждение содержит именование того, о чем оно высказывается. Указание на вещь с помощью слова (или любого другого знака) не означает ее онтологической (или мистической) «фиксации»; именование вещи имеет исключительно *семантический* характер. Сохранение единого наименования вещи не сохраняет в неизменности ее саму, если эта вещь воспринимается не как элемент физического мира, а как предмет человеческой (культурной) коммуникации. Так, вещь, пе-

реходящая из рук в руки, по замечанию Ролана Барта, не переходит из рук в руки *как таковая*, ибо в каждой новых руках (точнее, в *глазах* обладателя этих рук) она *представляется* по-новому. Вещь меняет свой *образ*. Переходя из рук в руки, вещь переходит «из *образа* в *образ*»; ее «миграция» является «циклом *превращений*»²³. Наименованная вещь несет на себе все те практически-коммуникативные контексты, которые связаны с актом именованности. Поэтому переход вещи из рук в руки – не «физический» процесс, а культурный акт. Таким же образом в одну и ту же реку нельзя войти дважды только в том случае, если река – чисто *физический* объект; но если понимать реку в ее *культурном* смысле – как объект, наделенный именем, историей (может быть, также и мифологией) и тем самым включенный в *человеческую* среду обитания, т. е. как объект, имеющий устойчивый культурный *образ*, – то оказывается, что при всей неоспоримой новизне набегающих на входящего вод войти в нее можно сколько угодно раз.

Итак, слово как языковой знак по своей функции является элементом коммуникативной системы и потому всегда несет в себе генетические следы визуально-практического акта; иначе говоря, реализуясь в человеческой практике как знак, слово всегда реализует одну из праксемических функций. Кроме того, всякое словесное сообщение как законченная совокупность знаков реализуется в качестве информационного акта лишь на этапе возникновения практического эффекта. Наличие в слове указанной «практической» компоненты и позволяет корректно соотносить вербальное и визуальное как разные способы осуществления единой по своему смыслу *языковой* коммуникации.

²³ Барт Р. Метафора глаза // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 93.

Литература

- Барт Р.* Метафора глаза / Р. Барт // Тавтография эроса. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 91–100.
- Беньямин В.* О языке вообще и о языке человека // Беньямин В. Учение о подобии: Медиаэстетические произведения. – М.: РГГУ, 2012. – С. 7–26.
- Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы / А.А. Ветров. – М.: Политиздат, 1968. – 264 с.
- Вригт Г.Х. фон.* Норма и действие. Глава VI: Нормы, язык и истина / Г.Х. Вригт фон; пер. с англ. Е.И. Спешиловой // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4 (14). – Т. 2. – С. 131–144.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич // Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 15–260.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков / Ч.У. Моррис; пер. с англ. В.П. Мурат; сост., общ. ред., вступ. ст. Ю.С. Степанова // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Нестеров А.* Понятие «знак» в контексте познания, коммуникации и эстетического переживания / А. Нестеров // Analytica. – 2007. – № 1. – С. 37–49.
- Орлова Н.Х.* О чем молчал Адам: Гендерное измерение христианской антропологии / Н.Х. Орлова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – 302 с.
- Платон.* Кратил // Собрание сочинений. – В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 613–681.
- Топоров В.Н.* Др.-греч. *sem-* и др. (Знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) / В.Н. Топоров // Балканские древности. Балканские чтения I. Материалы по итогам симпозиума. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – С. 3–36.
- Фрагменты ранних греческих философов. – Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию / У. Эко; пер. с ит. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Symposium, 2006. – 544 с.